

# Судьба всегда дает шанс! Не верите? Читайте романы Олега Роя:

Мир над пропастью  
Галерея "Максим"  
Муж, жена, любовница  
Улыбка черного кота  
Дом без выхода  
Капкан супружеской свободы  
Обещание нежности  
Нелепая привычка жить  
Амальгама счастья  
Обняться, чтобы уцелеть  
Украденное счастье  
Барселонская галерея  
Эдельвейсы для Евы  
Мужчина в окне напротив  
Сценарий собственных ошибок  
В сетях интриг  
Пасынки судьбы  
Он & Она  
Вдали от рая  
Игра без правил  
Шаль  
Тайна  
Искушение  
Тот, кто стоит за плечом  
Письма из прошлого  
Три краски  
Одно чудесное пари  
Человек за шкафом  
Повторный брак  
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево  
Фантомная боль  
Я тебя никому не отдам

Привет, моя радость!  
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит  
Банкротство мнимых ценностей  
Писатель и балерина  
Семь признаков счастья  
Маскарад на семь персон  
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево  
Синдром Атяшево  
Нелепая привычка жить  
Не оставляй меня, любимый!  
Я тебя никому не отдам  
Код личного счастья  
Тайный шифр художника  
Маленькие люди  
Зов дельфина  
Герой ее романа  
Верь в меня  
Домовой  
Запасной козырь

### **Дилогия «Белый квадрат»**

Лепесток сакуры  
Захват судьбы

### **Дилогия «Страх»**

И небеса пронзит комета  
Числа зверя и человека

### **Дилогия «Ловушка»**

Ловушка для вершителя судьбы  
Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя

МУЖЧИНА и женщина  
ЖЕНЩИНА и мужчина

Скользкий странник

ОЛЕГ  
РОЙ



Запасной козырь



Москва  
2020

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

**Рой, Олег.**  
Р65      **Запасной козырь / Олег Рой.** — Москва : Эксмо, 2020. —  
320 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-04-110845-8

Борис Козырев не планировал становиться героем — он мечтал о спортивной карьере и счастье с любимой девушкой. Но судьба распорядилась по-другому. Чтобы спасти свою семью, он вынужден пойти на сотрудничество со спецслужбами и рисковать собственной жизнью. Борис — запасной козырь в крупной антитеррористической операции, и только от него зависит, удастся ли избежать жертв среди мирного населения.

**УДК 821.161.1-31**  
**ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

**ISBN 978-5-04-110845-8**

© Резепкин О., 2020  
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Памяти моего сына Женечки  
посвящается.*

— Грузите в машину. Сейчас ему дядя доктор укольчик сделает, и он сам все расскажет, только успевай слушать. Видали мы таких, упертых...

Двое бойцов подхватили его под мышки и поставили на ноги. Ноги подгибались, скованные за спиной руки согнулись кольцом, тело безвольным мешком повисло на подхвативших его руках.

— Ну чего? За руки, за ноги? — Третий боец подошел спереди.

Тело, только что болтавшееся безжизненной тряпкой, вдруг развернулось, словно стальная пружина. Он оттолкнулся ногами от земли, прогнулся назад... что-то хрустнуло — то ли локоть, то ли плечо... вывернувшись немислимым штопором, почти перевернувшись вниз головой, он зубами дотянулся до висевшей на поясе бойца гранаты... короткий щелчок...

Казалось, граната падает очень медленно — поворачивается, касается земли, взметнув небольшой фонтанчик пыли... через мгновение — нет, через четверть мгновения — рядом приземлилась выдернутая чека...

## Глава 1

Дожевывая бутерброд, Борис разглядывал содержимое спортивной сумки. Вроде ничего не забыл, можно идти. Щелкнул замок, входная дверь начала открываться — и уперлась в черный сумочный бок.

— Эй, люди, — донеслось из коридора, — дайте воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде.

— Что-то ты сегодня рано, — буркнул Борис, распахивая дверь. — Все шедевры уже нарисовал?

— Не, немножко на потом оставил, — ухмыльнулся Глеб и кивнул на сумку. — На тренировку?

— Надеюсь, что нет, — промычал Борис неразборчиво, дожеывая остатки бутерброда.

— Не понял... — Глеб картинно поднял брови, изображая изумление. — Куда ты еще с этой бандурой, — он слегка подтолкнул сумку, — можешь намылиться?

На мгновение зеркало отразило их обоих — похожих, что называется, как две капли воды, но все-таки чем-то неуловимо различных.

Глаза готового к схватке бойца и глаза готового к работе художника одинаково зорки и сосредоточенны, но тени в глубине их — разные.

— Да есть одна тема... — плюхнувшись на пол, Борис принялся шнуровать кроссовки. — Клык обещал меня сегодня в настоящий бой выпустить. Если не подведет...

— Что еще за Клык? Почему не знаю? Ну-ка колись, брателло, — Глеб подмигнул.

— Ну... тренировки тренировками, про это все знают. Но там есть реальный бойцовский клуб. Ясен пень, я тебе ничего не говорил, угу?

— Могила, — ухмыльнулся Глеб. — А Клык главный, что ли? Странная кличка.

— Ну типа менеджера. Не самый главный, но за всем следит. Черт его знает, почему Клык — то ли укусил кого-то, то ли с зубами что-то не то. Ну вот Клык обещал меня сегодня в настоящий бой пустить. Если главный их разрешит. Такие дела! — одним стремительным движением поднявшись с пола, Глеб перебросил через плечо ремень сумки. — Так что можешь сходить в церковь и помолиться за своего братца. Стать настоящим бойцом — вроде как второй день рождения. Шутка! — Он подмигнул.

— Может, лучше помолиться, чтоб тебя там не прибили? — задумчиво проговорил Глеб и прислонился к двери, перекрывая выход. — Ты как, хорошо подумал? Тебе оно надо?

— Ты чего, братан, испугался за меня, что ли? Не смеши мои тапки! Я их всех на раз сделаю. Ты же меня видел на ринге, все говорят — ураган. Нет?

Но Глеб продолжал стоять возле двери, не давая брату выйти:

— Одно дело на ринге... Правила, рефери, секунданты, все дела. И то всякое бывает. А ты говоришь — бойцовский клуб. Это же бои без правил, так? Я про такие слышал... Могут и убить... И очень запросто...

— Прочь с дороги, куриные ноги! — Борис обхватил брата, приподнял и легкой подсечкой усадил на пол. Очень осторожно усадил, как стеклянного. — Ну не кукусь ты так. Ничего со мной не будет. Я крутой, но не тупой.

Не поднимаясь, Глеб уперся в дверь вытянутой ногой:

— Тогда я с тобой пойду.

— Вот еще новости! За каким лешим? Ты ж у нас художник, товарищ нежный, чувствительный. А там кровяца, зубы летают, уши трещат, ну и мать-перемать, не без того, — засмеявшись, Борис взъерошил брату волосы.

Отпихнув его руку, Глеб сердито буркнул:

— Нежный, говоришь... — но тут же усмехнулся. — Кто-то же должен будет твоё бездыханное тело в морг оттащить. Ну или в больничку, если повезет. — Он поднялся. — Не, я серьезно. Давай, я с тобой схожу. Посижу в уголке, порисую... пока тебе ребра будут пересчитывать. Мне правда так спокойнее. Ну и тебе хоть один болевщик. Или, — он вытащил мобильник, покрутил его у брата перед носом, — предкам настучу.

Борис захохотал:

— Ба, шантаж?! Неужели прям так-таки и настучишь?

— Прям так-таки и настучу, — повторил Глеб, снова помавав мобильником. — Клянусь... твоим здоровьем клянусь.

— Хм. Верю... Ладно, сдаюсь. — Борис махнул рукой. Пошли. Только если Клык тебя не пустит, я не виноват.

— Заметано, — улыбнулся Глеб. — Погодь две секунды, бутерброды прихвачу.

Борис засмеялся:

— Если ты про те, что от завтрака оставались, то я их уже схомячил, а новые некогда варганить, — приобняв брата за плечи, он потянул его к двери. — Время поджигает. Погнали уже, по дороге тебе чего-нибудь пожевать купим.

— Ну ты гад прожорливый! Самого близкого человека голодным оставил! Борис — повелитель дохлых крыс!

— Самый близкий у меня человек — это я сам, — ухмыльнулся тот. — Добудем тебе что-нибудь, не переживай. Глебушка-Глебушка, на тебе хлебушка!



Пихаясь локтями и обмениваясь привычными подколками, близнецы вышли из подъезда. По нагретому асфальту, в клубах тополиного пуха неуклюже топтались толстые ленивые голуби. Взлетели на мгновение, встревоженные приближением рычащего монстра с длинными водяными «усами», и снова опустились неподалеку.

Прозрачные водяные веера, расходившиеся от поливальной машины, вспыхнули на солнце двумя радугами. Братья переглянулись и, подпрыгивая и хохоча, пробежали сквозь сверкающую водяную завесу.

— Вот же балбесы! — сидевшая у подъезда остроногая, похожая на лисичку бабулька в белом платочке немного подвинулась — одна из водяных радуг обрызгала край лавочки — и погрозила сморщенным кулачком водителю поливалки.

Голову сидевшей рядом приятельницы — чуть помоложе и раза в два пышнее — украшала копна кудрей, выбеленных перекисью так, что они казались париком.

— Балбесы, — согласилась она. — Ну так молодые еще, кровь-то играет. А мальчишки хорошие. Хотя кто Борька, а кто Глебка, я так за семнадцать лет различать и не научилась. Или шестнадцать? Что-то я со счета сбилась...

— Почитай, все восемнадцать, — уточнила «лисичка». — Школу-то как раз окончили. А различить их разве что только мать родная может, даже отец, говорят, путает. Близняшки-чебурашки! Но хорошие, это ты правду сказала. Как в магазин кто из них идет, всегда спросит: я, дескать, в магазин, не надо ли и вам чего. Хорошо их воспитали.

— Вот и я про то же, — закивала кудрявая. — А то на многих нынешних посмотришь — ужас, что такое.

Из соседнего подъезда появился сантехник Самсоныч. Как и положено человеку, сознающему собственную незаменимость,

он, как всегда в середине дня, был под хмельком и потому пребывал в благодушно-философском настроении. Услышав последнюю фразу, он поглядел вслед удалявшимся близнецам, поскреб колючий от трехдневной щетины подбородок и изрек:

— Придет война — герои будут!

Для выражения мыслей Самсоныч предпочитал фразы в духе «народная мудрость».

Старушки хором на него зашикали, даже перекрестились одновременно:

— Типун тебе на язык! — возмутилась кудрявая. — Война, скажешь тоже! Мало наших отцов да братьев в землю сырую легло? Иди хоть пива выпей, может, чего повеселее в голову придет.

— И-и... — протянул Самсоныч. — Это еще неизвестно, что повеселее, да кому больше повезло. Отцы, деды да братья понятно за что полегли. За родину-мать. А близняшки эти за что нынче воевать станут? За место под солнцем, вот! — Он покачал заскорузлым пальцем. — Только все места давно позаняты. Свободными нынче только под забором места остались, в канаве с мусором. Чтоб под солнцем жить, надобно кому-нибудь глотку перегрызть, а то и не одну. Капитализм! — Он опять назидательно покачал коричневым от въевшейся грязи пальцем. — Все как завещал великий карла Маркс! — И Самсоныч неожиданно захохотал, представив себе Маркса лилипутом в цирковом костюме.

Близнецы же тем временем, добежав уже до ближайшего «Макдоналдса», купили жареной картошки и двинулись дальше. И уж конечно никакие беспокойные мысли — что там судьба готовит? — их не тревожили. Чего беспокоиться? Жизнь прекрасна и удивительна. Позади выпускные экзамены, впереди — выпускной вечер. Потом, может, повезет в какой-нибудь университет поступить, а если не повезет, можно и в армию сходить,

чего бояться двум таким богатырям. Вон как девчонки на кассах в «Макдоналдсе», едва завидев их, принялись челочки поправлять, глазками постреливать да между собой перемигиваться. Эх, девчонки, держите юбочки, как говорил какой-то поэт! Жизнь только начинается, а впереди — ух, что там впереди! — светлый горизонт, успехи и вообще красота!

## Глава 2

Клык уже ждал у входа, покуривал, лениво прислонившись к стене. Но едва завидел братьев, даже сигарету выронил:

— Стоп, ребятки! Что-то у меня сегодня в глазах двоится, — усмехнулся он, движением руки останавливая приближающихся парней. Те, переглянувшись, засмеялись. Дело привычное: каждый, кто впервые видел их вместе, приходил в легкое замешательство. — Подождите! — прищурился Клык. — Молчите! Оба. Я должен сам догадаться, кто из вас мой боец, — медленным, цепким взглядом он обвел обоих. — Ха! Элементарно, Ватсон! Вот ты, в кроссовках, Борис. Попал?

Братья синхронно кивнули.

— Значит, брата привел? Неужели тоже к нам хочет? — Клык переводил взгляд с одного на другого. — Да нет, что-то не похоже. Сдается мне, не шибко ему у нас тут нравится.

— Это Глеб. — Борис хлопнул брата по спине. — Он так, за компанию, увязался. Если не помешает, конечно. Художник он у меня. Порисовать хочет. С природы вроде как.

— Ну натура у нас тут богатая, — ухмыльнулся Клык. — Пусть рисует. Места всем хватит. Сам-то как? — переведя взгляд на Бориса, он опять прищурился, словно отыскивал какие-то только ему самому ведомые признаки: в форме боец или не очень.

— Я-то всегда готов! — отпартовал Борис. — А ты? Договорился? Ну насчет меня? Я буду сегодня драться? — глаза его вспыхнули азартным блеском, он даже ногой притопнул и сумкой взмахнул, точно под облака ее забросить собирался.

Клык укоризненно покачал головой:

— Спокойно, спокойно. Совсем не обязательно орать о наших делах на всю улицу... Нет, я пока не разговаривал... да не прыгай ты, как уж на сковородке. Сперва надо было на тебя взглянуть, мало ли. Мог ведь и передумать, или знаешь, как бывает? На словах человек готов, а поглядишь — и ясно, что все мысли только про то, чтобы сбежать подальше. Какой из такого боец? Но ты, смотрю, действительно готов. Теперь можно и с начальством переговорить, раз ты меня не подведешь. Заходите, ребяташки!

Борис было направился к знакомой двери под табличкой «Спортивный клуб «Дружба»», но Клык придержал его за плечо:

— Нет, Боря, нам не сюда. Двери в настоящую мужскую жизнь — они, знаешь, без вывески.

Мотнув головой, он шагнул к неприметной двери неподалеку — железной, в струпьях облупившейся краски и ржавых потеках. Возле нее дежурил здоровяк в тренировочном костюме. На бритой голове резко выделялись многочисленные шрамы, из-под фуфайки виднелась часть татуировки — обвивающий мускулистую шею парня хвост не то змеи, не то дракона.

— Это со мной, — бросил Клык, едва замедлив шаг.

Неожиданно проворно для своей комплекции и кажущейся флегматичности здоровяк повернулся, замок щелкнул, и ржавая дверь распахнулась — мягко, без ожидаемого лязга, почти беззвучно. Облицованный розовато-серым мрамором недлинный коридор казался просторнее из-за зеркального потолка, в котором отражались вмонтированные в пол светильники. Коридор упирался в еще одну дверь — явно бронированную. Клык провел

по электронному замку извлеченной из кармана картой, дверь коротко пискнула и уехала в стену.

Стал слышен отдаленный шум: возгласы, крики, надрывный женский смех, топот ног, даже звон стекла.

Клык тронул Бориса за локоть:

— Братца твоего я где-нибудь в уголочке пристрою, чтоб глаза никому не мозолил. А ты давай со мной, в тренировочный зал. Переодевайся, разминайся, ну сам знаешь. Только учти, с тобой пока еще ничего не решено. Как Босс скажет, так и будет. Даст «добро», станешь сегодня драться, ну а нет — отложим твоё свидание с судьбой до лучших времен. Кстати, о лучших временах. У тебя выпускной-то вечер когда? — Он оглянулся на Глеба. — В смысле, у вас.

— Послезавтра, — коротко доложил Борис, жадно вглядававшийся в полуоткрытую дверь поодаль — оттуда несся тот самый гомон, и даже можно было разглядеть мелькавшие над возвышением ринга блестящие от пота торсы борцов.

Клык усмехнулся:

— Что, уже бьешь копытом, рвешься в бой? А если тебе сегодня личико-то разукрасят? Как на гулянку пойдешь?

— Подумаешь! — фыркнул Борис. — Ну припудрюсь. Или, — он тоже ухмыльнулся, — маску карнавальную напялю, вроде как для веселья.

— Маску Супермена? — подхватил шутку Глеб, но голос его звучал мрачновато.

— Буратино! — буркнул Борис, облизнув внезапно пересохшие губы.

— Ну смотри, физиономия твоя, — равнодушно согласился Клык. — А то еще не поздно назад отыграть.

— Назад только раки пятятся, — резко выдохнул Борис. Глаза его из-под нахмуренных сосредоточенно бровей глядели

остро, чуть ли не зло. Ноздри слегка раздулись, чужое дыхание близкой схватки: резкий запах «адреналинового» пота, чуть разбавленный подвальной сыростью, алкогольными парами и табачным чадом. Запах настоящей — взрослой! — жизни, доселе запретной и недостижимой. Сегодня, сегодня он в нее шагнет. Да что там шагнет — окунется. Станет ее частью, нет, не частью — хозяином. Теперь это будет его собственная жизнь. И на пути к ней он разнесет в пыль любую помеху... Или его разнесут... Ну нет, этого не случится, не может случиться!

Кулаки его непроизвольно сжались, на плечах, руках, спине, шее прокатились в предвкушении схватки мускулы. В голове зашумело.

Эх, жалко, Аленка его сегодня не увидит! Хотя она, наверное, пришла бы в ужас, поэтому так даже лучше. Потом он просто поставит ее перед фактом. Свершившееся обсуждать бессмысленно и глупо. Тем более что он ведь не просто так — он зарабатывает, наконец, денег. Пусть с официальной точки зрения он еще пацан — ха, как же! Мальчишка от взрослого мужчины чем отличается? Тем, что сам решает проблемы. Он принесет кучу этих дурацких денег, и это сразу решит массу проблем. Первым делом — снять для них с Аленкой какое-нибудь жилье. Нельзя ей оставаться со своей семейкой — это ж не дом, это притон какой-то. И Борис, как полагается взрослому мужику, сможет наконец вытащить оттуда свою девушку. Потом... потом — родители. В первую очередь — мать. Можно будет прямо у нее спросить: сколько ты получаешь в своей конторе, где из тебя только что веревки не вьют? Сколько можно горбатиться на этих упырей? — он как будто слышал этот будущий диалог. И недоумение матери, и собственную уверенность: куда деваться, спрашиваешь? Для начала съезди в санаторий, отдохни. Вместе с отцом. На месяц, на два, на сколько нужно — не проблема.

Ах на какие шиши? Пожалуйста, мамочка, вот, получи — все по-честному, заработанное. И костюм новый отцу купи, и себе чего-нибудь — деньги будут, я еще достану, не беспокойся.

Очнулся Борис от встревоженного братнина шепота:

— Ты чего, на ходу спишь? Ох, зря мы пришли, ты глянь, какие рожи, жуть, как в триллере каком-нибудь. Слуш, мож, пока не п-поздно, с-свалим от-тсюда? — Глеб от волнения даже заикаться начал, постукивая зубами, словно в ознобе. — И у тебя самого физия — брр. Как закаменел весь. И глаза стеклянные. Эй, братишка, ты...

— Не бойсь, — Борис растянул непослушные, точно резиновые губы в некое подобие ухмылки. — Вот увидишь, я их всех сделаю! Сделаю! Будет им небо в алмазах!.. А ты под руку не каркай, настрой мне не сбивай. Боишься, топай домой, не держу.

— Вот прям! Так я тебя, дурака, одного тут и оставляю! — Глеб слегка приободрился: оказывается, напугавший его стеклянный взгляд не просто так, а — настрой. Значит, братишка знает, что делает, и мешать ему не стоит. Впрочем, его все равно не переубедишь. Глеб и сам был такой. Ну или почти такой. Семейная черта. Оба в отца пошли. Тот, как Ломоносов, в Москву пешком притопал. После детдома. Ему там направление в техникум по окончании восьмого класса выдали — типа вот твоя стезя, ползи и не рыпайся. А он рванул в большую жизнь. Добрался до столицы, а там не к бомжам подвальный прибился — подсобником на стройку. Спал в бытовке, потом угол в рабочем общежитии дали. В вечернюю школу пошел, затем в Строгановку. Там на такого абитуриента рты пораскрывали: сирота, лимитчик, после вечерней школы. Таких без блата только в тюрьму берут, а этот... А «этот», ко всему прочему, еще и чуть не всю Третьяковку в блокнотик перерисовал. Точнее, в одиннадцать альбомов. Вот и взяли. Поохали, поахали, но — взяли. Такой вот у них